

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Г. БОМШТЕЙН

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В РАБОТЕ С. П. КРАШЕНИННИКОВА «ОПИСАНИЕ ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ»

В 1756 г. Петербургская Академия Наук опубликовала труд проф. С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»¹. Это фундаментальное исследование явилось яркой демонстрацией силы и плодотворности русской научной мысли XVIII в.

Выходец из народа, Крашенинников был одним из блестящих представителей ломоносовской плеяды. М. В. Ломоносов вспоминал, что «недоброхоты российских наук», засевшие в Академии, препятствовали продвижению Крашенинникова, старались не допускать его, «как и многих россиян, к высоким наукам». Великий ученый считал своей заслугой, что «сквозь многие нападения прошед... Попова за собой вывел и Крашенинникова»².

В своих воззрениях и научной методике автор «Описания земли Камчатки» безусловно был связан с Ломоносовым и являлся одним из его соратников в создании русской национальной научной традиции.

«Описание земли Камчатки» характеризует Крашенинникова как ученого-энциклопедиста. Общеизвестно, что этот труд является не только блестящим произведением русской географии и этнографии, но входит также и в историю ряда других наук.

Однако в многогранном научном наследии, оставленном Крашенинниковым как автором «Описания земли Камчатки», есть стороны, видимо, оставшиеся неучтенными. К ним мы относим те материалы и научные наблюдения в книге, которые позволяют ставить вопрос о Крашенинникове как об одном из зачинателей русской фольклористической мысли.

Так называемая «традиционная», по существу космополитическая, историография русской фольклористики проявляет свою порочность и в вопросе о времени возникновения в России научного интереса к народному творчеству. Она в лучшем случае «замечает» признаки внимания к народной поэзии для конца XVIII — начала XIX в., всячески снижая при этом уровень самих фольклорных интересов. Представляя историю

¹ «Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук профессором. Том первый. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук. 1755 год». Под тем же годом — том второй. В 1786 г. вышло второе издание. Нумерация страниц в первом и втором изданиях «Описания земли Камчатки» совпадает. Цитируем труд С. П. Крашенинникова по 2-му изданию, так как в настоящее время не имеем в своем распоряжении 1-го издания. В дальнейшем в сносках мы будем обозначать «Описание земли Камчатки» начальными буквами «О.З.К.».

² П. Пекарский. История императорской Академии Наук в Петербурге, т. II, СПб., 1873, стр. 923—924.

русской фольклористики как «производное» от западноевропейской, буржуазная историография игнорирует оригинальную русскую традицию в науке о народном художественном творчестве. Поэтому для нее не существует вопроса о национальных истоках русской фольклористики.

Для нас совершенно ясно, что в историю науки входит и тот период в жизни фольклористических идей, когда они еще не отдифференцировались от других наук и не сложились в специальную дисциплину. Теоретические фольклорные интересы зарождаются в России в первой половине XVIII в. как явление оригинальное. Процесс их возникновения и развития в этот период находит воплощение в работах по теории поэзии, версификации, филологии, истории и этнографии. В историю фольклорных изучений России первой половины XVIII в. включаются теоретические работы Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Татищева, Крашенинникова. Уже в это время фольклор используется не только в качестве материала названных выше наук, но привлекает к себе внимание такими своими сторонами, которые характеризуют его как форму искусства. В работах первой половины XVIII в. обнаруживается интерес к фольклору как источнику изучения быта и нравов данного народа, тенденция рассмотрения фольклорно-этнографического материала в чертах национального своеобразия. Истоки русской фольклористики надо искать в русской прогрессивной общественной, научной мысли первой половины XVIII в.³

В учебных курсах реальные формы выражения интереса к народной поэзии второй половины XVIII в. ограничиваются преимущественно собиранием фольклора. Так, например, в работе проф. Замотина «Русская народная словесность» мы читаем: «Развитие интереса к народному творчеству во второй половине восемнадцатого века выразилось в том, что в это время, помимо смешанных сборников, куда попадали, между прочим, и былины, появляются специальные сборники сказок, суеверий, пословиц»⁴. Вплоть до мифологической школы весь материал, характеризующий отношение к фольклору в России, идет обычно в шаблонных историографических обзорах под рубрикой «История собирания», с мифологической школы начинается раздел «Изучение»⁵.

Не составляет исключения в этом плане и курс академика Ю. М. Соколова «Русский фольклор». Историографический раздел этого учебника построен на порочных основах либерально-буржуазных схем истории науки.

Конечно, теоретическим обобщениям всегда предшествует процесс накопления материала, но нельзя согласиться с тем, какой смысл получает это расчленение в старых историографических схемах. Оно превращается в разрыв этих двух начал и отрицание какой бы то ни было теоретической основы работы собирателей фольклора в XVIII столетии. Согласно традиционным оценкам, собирание народного творчества в это время имеет чисто эмпирический характер.

В действительности уже в первой половине XVIII в. сбор народной словесности сочетался с ее научным осмыслением. Собирание фольклорного и этнографического материала уже в то время так или иначе освещалось определенной идеей и подчинялось ясно осознанному, подчас очень широкому научному задачам. Один из первых собирателей народной поэзии — Татищев был и ее первым исследователем, он записывал фольклор с научными целями. Подобные примеры дает также деятельность Ломоносова, Крашенинникова и других русских ученых.

³ Обосновать и развить эти положения мы попытались в статье «К вопросу об истоках русской фольклористики». (См. «Прикамье», литературно-художественный альманах, Молотовгиз, 1948, № 11).

⁴ И. И. Замотин, Русская народная словесность. Лекции. На правах рукописи. 1919, стр. 17.

⁵ См., например, М. Н. Сперанский, Русская устная словесность, М., 1917.

«Описание земли Камчатки» — одно из произведений, свидетельствующих о несостоятельности «традиционных» схем историографии русской фольклористики в общих курсах по фольклору.

* * *

«Описание земли Камчатки» включает в себе богатейший фольклорный материал. Исследователь, очевидно, тщательно собирал его в течение всего времени пребывания на Камчатке.

Труд Крашенинникова охватывает самые различные виды художественного творчества камчадалов XVIII в. Здесь сказания и мифы о происхождении неба, земли, гор, о громах, ветре, дожде, заре, радуге, землетрясении, о реках, озерах, о горячих ключах, о заповедных лесах, о рыбах, птицах, животных и т. д. Довольно подробно описаны мифы о верховном боге и родоначальнике Куте и других богах, о духах горных, лесных, морских, подземных и пр. Приведено много интересных фактов и наблюдений из области «промыслового» фольклора камчадалов (охота и рыбная ловля). В книге дана богатейшая картина обрядового фольклора — праздничного, свадебного, родильного и др., охарактеризованы пляски камчадалов, уделено значительное внимание словесному и музыкальному фольклору.

Однако «Описание земли Камчатки» ценно для русской фольклористики не только богатством фактического материала, интересующего ее. Еще более важным является другое обстоятельство: изучение книги убеждает в том, что у автора есть определенная точка зрения на факты фольклора, есть последовательная методика их использования. В исследовании Крашенинникова фольклор не является чем-то самодовлеющим, он воспринят и освещен в подчиненных задачам всесторонней характеристики природы и населения Камчатки. Это определяет и расположение фольклорного материала. Так, например, горный фольклор излагается преимущественно в связи с геологическими и географическими данными в таких главах первой книги, как «2. Об огнедышащих горах и происходящих от них опасностях», «3. О горячих ключах»; промысловый фольклор — в главах, где описывается охота и рыбная ловля (главы первой книги: «6. О зверях земных», «8. О зверях морских», «9. О рыбах» и др.).

Однако наиболее богатый фольклорный материал сосредоточен во второй книге, в третьей части, где речь идет уже не о природе Камчатки, а о ее населении; показательно и само название главы: «О Камчатских народах». Характеристика камчадаловского фольклора подчинена этой последней теме. Крашенинников осмысливает народное творчество в связи с бытом камчадалов; через фольклор исследователь раскрывает их представления о мире. Здесь, между прочим, снова передаются некоторые из мифов, сообщенных ранее, при характеристике «натуры Камчатки», причем на этот раз более подробно.

Во второй книге следуют одна за другой главы, специально посвященные мифологии и обрядности, песенному и танцевальному искусству; таковы главы: «11. О боге и о сотворении земли по их (камчадалов.— Г. Б.) мнению», «13. О праздниках и церемониях», «14. О пирах и забавах», «16. О сватаньи и свадьбах». Характеристика плясок и песен дана в главе «О пирах и забавах Камчатских», причем составляет основное ее содержание. Крашенинников совершенно четко формулирует положение о камчадаловском фольклоре как материале науки. Местные «басни» помогают, по мнению автора, изучению природы и нравов Камчатки, «басни» имеют познавательное значение. Так, например, Крашенинников использует различные сказания, «объясняющие» особенности геологии Камчатки, в частности, говорящие о происхождении

геологических изменений на ее территории. Ученый отмечает, что «Камчадалы, которые на басни такиеж художники, как старинные греки, всем знатнейшим горам и ужасным по их мнению местам, каковы, напр. кипячие воды, горелые сопки и прочая, приписывают что-нибудь чудесное...»⁶ Он сообщает, что, согласно сказаниям камчадалов, гора Шувелич переменяла свое место: «сказывают они, будто Шувелич стоял при Восточном море, на самом том месте, где ныне Кроноцкое озеро, но не стерпя беспокойства от Еврашек точивших его, принужден был переселиться на сие (новое.— Г. Б.) место. При том описывают и путешествие его оттуда...»⁷ Это сказание Крашенинников использует в связи с другим — о происхождении озер Кайнач и Кульхолянгин, «которые по Камчатскому суевию сделались от ступени вышеописанной горы Шувелича, т. к. источник на горе Еликоне от ископыти Пегаза: ибо сказывают они, что сей их Пегаз поднявшись с прежнего своего места в третий ускок очутился на нынешнем»⁸.

Далее автор определяет свое отношение к сказаниям: «Басни Камчадалские сколь ни глупы, однако их по моему мнению вовсе презирать нельзя: по тому, что в них без сомнения заключается некоторое известие о древней перемене сих мест...»⁹

Таким образом, в фантастических легендах Крашенинников усматривает «некоторое известие» о фактах геологической истории Камчатки; камчадалские басни хранят в себе отклики на действительно бывшее. Поэтому их можно использовать в интересах естественной истории. Исследователь устанавливает, что камчадалы в своих сказаниях, преданиях и мифах осмысливают все явления окружающей действительности, «философствуя по своему смешному разуму и любопытству, и ничего без изъяснения не оставляя»¹⁰.

Автор убедительно показал, что для обитателей Камчатки фольклор — это не только их «изъяснение» природы, это в то же время их история, у камчадалов «все доказательства древности состоят в словесных преданиях»¹¹.

Для уяснения подхода Крашенинникова к фольклору представляет значительный интерес, например, его мотивировка необходимости полного и точного описания праздничной обрядности.

Обращаясь к своему читателю, а может быть, имея в виду и тех, от кого зависела в той или иной степени публикация его труда, Крашенинников сообщает: «опишу я все обряды их с начала до конца праздника обстоятельно, не опуская никакой безделицы не столько для удовольствия читателя, ибо такие мелочи читать больше скуки, нежели приятности, но наипаче для того, чтобы не погибла память толикого их заблуждения... ибо ныне все оные языческие обряды оставлены, и через несколько лет совершенному предадутся забвению к некоторому ущербу истории»¹².

Очень сдержанный в оценке эстетических достоинств камчадалской обрядности, этнограф видит в ней иную ценность: научную, историческую; автор считает необходимым зафиксировать уходящие обычаи и взгляды, так как убежден в том, что их игнорирование исследователем будет «некоторым ущербом» для истории.

Крашенинников специально ездил в селения северных и южных камчадалов для того, чтобы полнее изучить местные праздничные обряды. Он считал необходимым дать совершенно цельную и полную карти-

⁶ «О. З. К.», кн. I, стр. 12.

⁷ Там же, стр. 12—13.

⁸ Там же, стр. 14—15.

⁹ Там же, стр. 15.

¹⁰ Там же, стр. 169.

¹¹ «О. З. К.», кн. II, стр. 10.

¹² Там же, стр. 85.

ну праздничной обрядности, «не опуская никакой безделицы», по той причине, что каждая из деталей, «безделиц» занимает в обряде свое традиционное, «обязательное» место. «При праздновании,— читаем в «Описании...»,— бывают у них (камчадалов.— Г. Б.) между прочим много и таких мелочей, которые не достойны воспоминания; но понеже всему у них непрменный порядок, то опишу я все обряды их с начала до конца праздника, не опуская никакой безделицы...» Для этнографа неприемлемо субъективное «редактирование» обряда. Крашенинников проявляет, таким образом, очень бережное отношение к фольклорному тексту.

Исследователь не считал возможным ограничиться общей, суммарной характеристикой праздничного фольклора северных и южных камчадалов, потому что обрядность южных и северных камчадалов имеет различия. «И понеже южные Камчадалы,— пишет Крашенинников,— имеют некоторую разность в обрядах против северных, то объявлю я порознь о праздновании их...»¹³ Описание праздничного обряда северных камчадалов занимает в книге 10 страниц, столько же страниц — описание той же обрядности у южных камчадалов.

В своем стремлении проследить весь ход обряда ученый столкнулся с такими препятствиями, как существование «тайных» обрядов, входящих в состав праздничной игры у северных камчадалов. Это некое «тайное действие, при котором кроме некоторых стариков и двух служителей никому быть не должно». Крашенинников упросил стариков, чтобы они разрешили присутствовать при отправлении тайного обряда переводчику, который затем и рассказал ученому о том, что происходило¹⁴. Не можем не упомянуть детали, характеризующей научную добросовестность Крашенинникова: переходя к описанию праздничной обрядности северных камчадалов, он считает необходимым предупредить читателя, что не застал начала обрядового действия.

Крашенинников — один из первых собирателей фольклора, стремившихся к точной, полной, научно-добросовестной фиксации фактов.

Изложение фактического материала Крашенинников сопровождает замечаниями, вскрывающими назначение некоторых моментов в праздничном действе в целом. Так, например, Крашенинников разобрал «Китово действие» и «игру о волке», входившие в годовой праздничный обряд южных камчадалов. Он путем опроса выяснил сюжетную основу игры о волке. «А баснь,— пишет автор,— которую они представляют, есть следующего содержания: На некоторой реке жил одинокий Камчадал и имел у себя двух малых сыновей. Отходя на промысел принужден он был детей одних оставлять в юрте; и для безопасности, чтоб не ушиблись, привязывать к столбам. В небытность его приходили к детям его волки, и спрашивали, скоро ли отец их будет, которым они ответствовали: зимою. Дети его от того страха через долгое время без ума были. Между тем отец с промыслу возвратился, и увидав, что во время его отлучки происходило, пошел промыслять волка, и застрелил его из лука»¹⁵.

В игре используется травяное чучело волка, которого «убивает», поражая стрелой, тойон — старшина селения. В «Китовом действии» дети — участники игры — растерзали травяное чучело кита.

В той и другой игре Крашенинников выявляет магический, «практический» характер. Он пытается выяснить смысл «Китового действия» и игры о волке у самих участников обряда, но они оказались не в состоянии ответить на вопросы этнографа. Таким образом, он основывается только на своих собственных наблюдениях: «хотя сами Камчадалы ска-

¹³ «О. З. К.», кн. II, стр. 85.

¹⁴ Там же, стр. 102.

¹⁵ Там же, стр. 95.

зять и не умеют, касается ли оно до их суеверия или нет, и для чего бывает, однакож мне кажется, что оное представляется вместо комедии только для увеселения, или чтоб им прямых китов и волков промыслять и есть, как с травяными поступали»¹⁶.

Крашенинников устанавливает символический характер каждого элемента игры: «Что же касается до Китового действия, то травяной кит делается во образ носимого волнами мертвого кита, вороны из кишек во образ воронов клюющих труп его, а малые ребята, терзающие его, во образ Камчадалов режущих жир его»¹⁷.

Аналогично объяснен им обряд, отправлявшийся после разделывания тюленьего мяса. Два камчадала привалили большой камень к стене и осыпали его мелкими камнями, в то время как два других принесенную в мешках сладкую траву рвали на куски и вязали в узлы. «Большой камень,— выясняет Крашенинников,— значил у них морской берег, мелкие камни волны морские, а сладкая трава в узолки связанная тюленьей»¹⁸.

Крашенинников показал, что символика связана с магией, с «практически-магическим» назначением обряда. Травяных тюленей камчадалы волочили по камням «для того, чтоб тюлени в море думали, что им гостить у Камчадалов весьма приятно, особливо что в юртах у них и море есть, а сие б самое побуждало их в большем числе попадаться в Камчатские руки»¹⁹.

Крашенинников приводит мифы, в которых непосредственно отражается материальная культура камчадалов XVIII в., характер их производственной жизни; таковы мифы о боге Кутху, научившем своего сына делать лодки, о сыне Кутху, первым начавшем вязать рыболовные сети, о скотьем боге, который начал шить из звериных кож камчадалские кухлянки и парки, и т. д.

Весьма подробно описаны различные виды промыслового фольклора Камчатки. И тут снова дает себя знать научная, анализирующая мысль. Этнограф устанавливает факты профилактической магии у обитателей Камчатки: киты, касатки, медведи и волки не назывались своими именами, их обозначали одним и тем же словом «силанг», т. е. беда; камчадалы во время охоты на акул никогда не называли их, думая, что «рыба пузырь свой испортит и сделает негодным к употреблению». Характеризуя охотничьи и рыболовецкие промыслы, Крашенинников дает анализ промысловых фольклора не только камчадалов, но и русских. В охотничьих суевериях русских «промышленников» автор также отмечает профилактическую магию: согласно традиции, охотники не должны называть ворона, змею и кошку «прямыми именами», «а называли бы верховым, худою и запеченкою».

Этнограф выяснил, что «в прежние годы на промыслах гораздо больше вещей странными именами называли, на пример: церковь востроверхою, бабу шелухою или белоголовкою, девку простыгою, коня долгохвостым, корову рыкушею, овцу тонконогою, свинью низкоглядою, петуха голоногим и прочая; но ныне все крме вышеобъявленных слов оставили»²⁰.

Автором приведены различные охотничьи суеверия и приметы, имеющие своей основой очеловечение соболя.

Охотники были убеждены, что о всех их нарушениях законов охоты соболю знает и наказывает их; в таких случаях охота на соболя оказывается неудачной. Как рассказывает автор, он пытался убедить охотников в том, что они заблуждаются, но «в сем суеверии так они тверды,

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, кн. I, стр. 267.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 246.

что не только не принимают никаких здравых советов для отведения их от той глупости, но и великое оказывают неудовольствие, предлагая упорно в противность тому, что от сего так как и от воровства в промыслу бывает порча»²¹.

Подобным же образом Крашенинников показывает связь обряда с промыслом у других народов. У якутов перед охотой приносилась кровавая жертва богу, — «владеющему зверями и лесом», кровью жертвы обильно обмазывался идол с таким желанием, «чтоб промышленным на промыслу по всякой день видеть кровь, так как у него лицо тогда кроваво будет»²².

Крашенинников обратил внимание на отражение анимизма и магии в таких языковых явлениях, как омонимы. Он заметил, что валы в одном из проливов именуется у курилов Когач, т. е. хребет, этим же словом именуется и спинки у рыбы. Крашенинников указывает, что этим перенесением имени курилы «думают изъяснить покрытое морем его качество». Те же валы имеют и другое имя — Камуй, т. е. бог, «потому что от великого страха почитают их как самого бога», и при переезде через пролив камчадалы приносили валам жертву, в то время как рулевой непрерывно колдовал.

В «Описании земли Камчатки» уделяется также известное внимание заговорам и приметам. Своими наговорами камчадалы «...лечат болезни, ...отвращают несчастье и будущая предвещают». Этнограф обнаружил, что текст заговоров сохраняется втайне, записать их не удалось: «А какие слова при наговорах употребляют, или кого призывают на помощь того я как великой тайны не мог выведать»²³. Изучая камчадалские приметы, Крашенинников обнаружил, что некоторые из них стали достоянием русского населения Камчатки — казаков. «Возгорение огнедышащих гор не только Камчадалы, — сообщает он, — но и казаки почитают за предзнаменование кровопролития; и то свое суеверное мнение доказывают многими примерами, что ни одного случая, когда гора метала пламя, без того не проходило: и при том, утверждают, что чем доле и сильнее она горит, тем и больше крови проливается»²⁴.

Значительный интерес представляют наблюдения над хореографическим, словесным и музыкальным фольклором. Таковы, например, сведения о курильских плясках, пении и рассказывании сказок, как об одном из моментов обряда встречи. Во время встречи родственников, долго не видавших друг друга, исполнялась военная игра: «приезжие с байдар своих, а жители из юрт с великими обрядами сходятся; обе стороны одеты бывают в военное платье и с оружием махая саблями и копьями, натягивая друг против друга луки, так как бы быть сущему сражению, а при том все пляшут. После того, как гости и хозяева обоюдно посвятят друг друга в свои дела, курилы торжествуют по своим обычаям, едят, пляшут, поют и сказывают сказки»²⁵. В книге упомянуты «любовные басни», которые, согласно обычаю, рассказывают друг другу камчадалы.

Автор сообщает о существовании «шутов», «которые забавляют других своими проказами», однако не передает ничего из репертуара шутов, считая его непристойным.

В книге описано пять танцев. Первый из них наблюдал сам автор. Он отмечает, что танец, показавшийся ему диким, с большим удовольствием воспринимался зрителями. Это объяснено тем, что танец камчадалов является родным для них, «природным». «Таким образом, — замечает этнограф, — природные забавы сильны произвесть во всяком

²¹ «О. З. К.», кн. I, стр. 246.

²² Там же, стр. 258.

²³ Там же, кн. II, стр. 82.

²⁴ Там же, кн. I, стр. 178.

²⁵ Там же, кн. II, стр. 182—183.

некоторое движение, хотя бы другим казались и странными»²⁶. Крашенинников рассказывает о существовании старинных, «коренных» камчадалских танцев и дает описание одного из них, — это у камчадалов «главнейший танец», исполняемый одной из женщин (тогда как другие «салятся вокруг»), которая при этом «кричит голосом различных зверей и птиц...» Он указывает далее на существование камчадалского «кругового» танца, однако ничего не сообщает о последнем, так как не видал его и никакими достоверными данными, повидимому, не располагал. По словам Крашенинникова, «великая честь» была тому, кто всех перепляшет; пляска продолжалась часов по 12—15, и в юрте не оставалось никого, кто бы не принял участия в пляске, включая и «самых дряхлых стариков». Крашенинников обратил внимание на связь репертуара камчадалских танцев и их «сюжета» со способом добывания пищи, с родом занятий; так, например, речь идет о танце, распространенном у тех камчадалов, которые на байдарках промышляли морских зверей, это танец мореходов; текст, связанный с танцем мореходов, целиком определяется содержанием охотничьего промысла. «Употребляемые при том слова, — замечает Крашенинников, — все принадлежат до их промысла...»²⁷ В «Описании земли Камчатки» дана краткая общая характеристика мелодии камчадалских песен, их содержания, характера, а также и некоторых поэтических особенностей. Автор привел образцы камчадалского песенного фольклора. Он отмечает относительную мелодичность камчадалских песен. Эти произведения — как бы прямой отклик на факты, которые привлекли к себе внимание создателей песен: «...в материи песен нет никаких замыслов, токмо одни простые понятия о вещах, которые им странными кажутся или смешными, или достойными удивления»²⁸. «Таким образом, — пишет Крашенинников, — все их песни составлены, в которых упоминаются токмо некоторые действия или другие какие обстоятельства без всякого склада»²⁹.

О любовной лирике камчадалов Крашенинников говорит: «В любовных песнях изъявляют они склонность к своим любовникам, печаль, надежду и другие обстоятельства...»³⁰ Крашенинников привел образец любовной песни. Эта песня, «называемая Аангич, сложена на голос морской утки, Аангич называемой». Он приводит текст этой песни — на камчадалском языке русскими буквами и ее перевод — переложение. «Весь смысл песни состоит в том: Я потерял жену свою и душу, с печали пойду в лес, буду сдирать кору с дерева и есть, после того встану поутру, погоню утку Аангич с земли на море, и на все стороны поглядывать имею, не найду ли где любезного моего сердца»³¹.

Крашенинников замечает, что произведения песенной лирики создаются преимущественно женщинами, и добавляет при этом, что они «имеют весьма чистые и приятные голоса». Вообще Крашенинников счел, что «сей народ имеет к музыке великую склонность...»³²

В качестве образца песенного фольклора камчадалов Крашенинников привел также текст и мелодию «Песни на подполковника Мерлина, Маеора Павлуцкого и Студента Крашенинникова». Крашенинников дает камчадалский текст песни (камчадалские слова русскими буквами) и подстрочный русский перевод. Песня состоит из 12 строк.

Цитируем часть этой песни в русском переводе: «Ежели бы я был Студент, то бы описал всех морских чаек. / Ежели бы я был Студент, то бы снимал все орлиные гнезда. / Ежели бы я был Студент, то бы опи-

²⁶ Там же, стр. 111.

²⁷ Там же, стр. 112.

²⁸ Там же, стр. 113.

²⁹ Там же, стр. 115.

³⁰ Там же, стр. 114.

³¹ Там же, стр. 116.

³² Там же, стр. 114.

сал горячие ключи. [Ежели бы] Студен был тоб описал все горы. [Ежели бы я] Студент был, тоб описал всех птиц...» и т. д.³³

Запись песни о Мерлине, Павлуцком и Крашенинникове имеет ценность не только как свидетельство фольклорных интересов Крашенинникова. Она до некоторой степени говорит об уровне этих интересов, об определенном подходе к фольклорному тексту,— собиратель стремится не только к точности передачи произведения, он руководствуется мыслью о необходимости передачи песен народа на языке данного народа.

Крашенинников обратил внимание на некоторые черты поэтической структуры песни. Он останавливается на взаимоотношениях словесного текста и «голоса» в такой песне, как уже упоминавшаяся «Аангич». Он отмечает несопадение словесного и музыкального ритма и приемы, при помощи которых достигается единство словесного текста и «ноты». «И хотя подведенные слова,— пишет он,— с нотой несходны, однако Камчадалы дополняют и исправляют оные прибавлением неких ничего незначащих слов...» Цитируя песню, Крашенинников выделяет звукосочетания, «незначащие слоги», которые введены в текст для достижения единства «слов» и «ноты»³⁴.

Он устанавливает такую особенность поэтической структуры камчадалских песен, как употребление в большинстве из них слов «Ганика» и «Баюн»: «Во всякой почти песне употребляют слова Ганика и Баюн, так как казаки здунай, Якуты нага, которые разделяя по членам иногда сокращают, иногда продолжают, как того голос песни требует»³⁵.

Мимо Крашенинникова не прошел и такой момент художественной культуры камчадалов XVIII в., как их музыкальные инструменты. Он, между прочим, высказывает удивление по поводу того, что камчадалы, имея «к музыке великую склонность», не создали никаких инструментов, кроме «дудок дягильных», на которых при этом не могут «песен... наигрывать».

Исходя из того, что на Камчатке «Природных тамошних жителей считается три народа Камчадалы, Коряки и Курилы» и что «род жития двух последних весьма сходствует с Камчадалами», Крашенинников обращает внимание на некоторые особенности каждого из этих народов, а также, пусть незначительные подчас, различия тех или иных групп в пределах каждой народности,— например, особенности обычаев и мифологии оленных и сидячих коряков, своеобразие обычаев и обрядности северных и южных камчадалов. Крашенинников указывает иногда и на различия в обрядности камчадалов и других народностей Севера, например, при характеристике камчадалских заговоров он называет одну из деталей камчадалского обряда, не свойственную шаманским наговорам «у Якутов, Коряк, Тунгусов, Бурятов и всех Сибирских язычников...»³⁶.

Это внимание к особенностям обряда у данной народности — одна из черт сходства в этнографических изучениях Крашенинникова и Татищева.

Крашенинников отмечает взаимообмен фольклором у камчадалов, курилов и коряков, имеющий своим источником общность «рода жития»: некоторые курильские обряды «идолослужения» «приняли от Курил и южные Камчадалы».

При характеристике камчадалских обычаев и фольклора Краше-

³³ «О. З. К.», кн. II, стр. 115.

³⁴ Там же, стр. 116.

³⁵ Там же, стр. 114.

³⁶ Там же, стр. 82, 157. Крашенинников сообщает, между прочим, различия между бродячими и оседлыми коряками в «телесном виде», эти различия он ставит в зависимость от условий жизни: «Коряцкой народ по разности жития различен и телесным видом» («О. З. К.», кн. II, стр. 147).

нинников учел такой фактор, как имущественное неравенство. Исчисляя расстояние днями (т. е. за сколько дней можно покрыть данное расстояние), богатые коряки рассчитывают его не так, как бедные: «У богатых расстояние одного дня больше, нежели у бедных: для того что они надеются тем доказать, что у них лошади или олени хорошие, когда они со всеми своими тяжестью и с домом столько могут переехать, сколько бедные налегке, по причине худых лошадей или оленей»³⁷. «Женятся богатые на богатых, а скудные на скудных, не взирая на разум и на пригожество»³⁸. «Как скоро родятся дети, то богатые отделяют им несколько оленей на их щастие, которыми однакож не могут дети пользоваться до возраста совершенного»³⁹.

В главе «О Боге, о состоянии земли и догматах Камчатской веры» Крашенинников показал, что имущественное неравенство отразилось в камчадалских мифах о загробной жизни: «...говорят, что бедные здешнего света будут там богатыми, а богатые убогими». В той же главе сообщается миф о великом и сильном камчадале, родившемся от верховного бога Кутхы и первым умершем на Камчатке. Он, «главный в подземном свете», принимает умерших камчадалов, «и кто прибудет в новой и богатой собачьей куклянке, и на хороших собаках, тому дает худое платье и худых собак, а кто в худом платье и на худых собаках, тому дарует хорошее платье, хороших собак и хорошее отводит место к поселению»⁴⁰. В этом внимании к отражениям социальной дифференциации в обряде и мифе Крашенинников не одинок.

Татищев в своих этнографических характеристиках тоже показывал значение данного фактора в обрядности ряда народов. В частности, в комментариях к первой книге «Истории российской с самых древнейших времен» Татищев опубликовал подробное описание татарского свадебного обряда, который он видел в 1721 г. Он сообщает, что само исполнение обряда похищения невесты было вызвано имущественным неравенством жениха и невесты.

Крашенинников весьма упорно добивался выяснения вопроса о том, чем является камчадалский фольклор для самих камчадалов, как они относятся к их собственным суевериям, мифам, легендам, как они осмысливают обряды, которые исполняют. С этой целью он многократно расспрашивал камчадалов, вникая подчас в детали того или иного обряда. По словам автора, он «о всяких вещах у таможенных жителей спрашивал с всевозможным старанием»⁴¹.

Он приходит к выводу о том, что «камчадалские фантазии» принимаются камчадалами еще «за истину», «ни о каком мнении никогда не думают, справедливо ли оно или несправедливо и можно ли тому стать или не можно, но все принимают за истину»⁴².

Крашенинников фиксирует силу предания, традиции в фольклоре жителей Камчатки. «Главное основание веры их,— сообщается в «Описании»,— утверждается на древних преданиях, которые наблюдают они паче закону, не приемля никаких доказательств в опровержение»⁴³.

Итак, основа языческой мифологии, верований, обрядности камчадалов XVIII в.— древнее предание, сохраняющее для многих из них значение закона и господствующее над их сознанием. Таково мнение Крашенинникова. Он неоднократно отмечает, что исполнители обряда, песни, танца не могли объяснить смысла того, что исполняли, ссылаясь на старину, на традицию, на то, что это «исстари в употреблении».

³⁷ Там же, стр. 160—161.

³⁸ Там же, стр. 163.

³⁹ Там же, стр. 165.

⁴⁰ Там же, стр. 78.

⁴¹ Там же, кн. I, стр. 58.

⁴² Там же, кн. II, стр. 77.

⁴³ Там же.

Приведем некоторые примеры. Как говорилось выше, жители Камчатки не сумели объяснить Крашенинникову, для чего бывает «Китово действие» и «игра о волке». Оседлые коряки справляют праздничную обрядность вместе с камчадалами, «но кому и для чего, столь же мало ведают как и камчадалы. Вся причина состоит в том, что предки их так поступали»⁴⁴.

В составе праздничного действия северных камчадалов Крашенинников описал фаллический обряд, который посвящен Пому («сделали его наподобие человека»), олицетворяющему плодородие. Этнограф хотел выяснить, как представляют себе участники обряда смысл последнего, но ответа не получил, — или потому, что камчадалы утратили древнее восприятие обряда, или же не хотели посвящать Крашенинникова. По этому поводу он пишет: «Что значит оной Пом и для чего делается, того и сами Камчадалы сказать или не умели, или не хотели...»⁴⁵

Крашенинникова не удовлетворяет внешнее описание курильского обоготворения стружек (стружки служили курилам «вместо идолов» в юртах) и установление их функции (стружки — Ингул — «надежное средство к безопасному плаванию по морю»); он хотел узнать, какое место занимают эти суеверия среди других, в каком отношении находятся они к местным представлениям о добрых и злых духах: «однако не мог я того выведать, за бесов ли они их вменяют или за бога»⁴⁶.

«Описание земли Камчатки» дает многочисленные примеры тщательного выяснения смысла и конкретного назначения (в камчадалских представлениях) различных магических словесных формул, входящих в состав обряда. В обряде, долженствующем обеспечить удачную охоту на тюленей, участники обряда «...таскали тюленей своих по каменому морю под тем видом, будто их бьет волнами, а по окончании вышед из юрты кричали кунеушит алулаик, погода прижимная; для того, чтобы ветер восстал с моря и нажал бы льду к берегу, причем обыкновенно бывает лучшей промысел морских зверей»⁴⁷. Словесная формула должна вызвать в природе явления, облегчающие охоту. Исследователь сталкивался с такими фактами, когда понимание подобных формул уже не было доступно опрашиваемым, так что многие словесные формулы поддерживались, очевидно, силой традиции. В том же обряде Крашенинников отмечает словесную формулу «лигнульх» — слово, которое выкрикивалось четыре раза. Узнать смысл и назначение этой формулы ему не удалось, — камчадалы могли ему лишь сказать о древности обычая: «что сие слово значит и для чего они кричат, тому не мог добиться толку, кроме того, что сие у них из стари в употреблении»⁴⁸.

Подчеркивая силу традиции, Крашенинников в то же время выявил, что отношение камчадалов к их собственным традиционным представлениям изменяется. Им замечено пробуждающееся недоверие, двойственное отношение к некоторым местным мифам, «басням» в среде носителей этих мифов. Крашенинников вступил с ними в беседу по поводу одного странного обряда и старался заставить их осознать несуразность их «басни». Оказалось, что и у них это суеверие вызывает недоумение. «Нам де и самим, ответствовали они, то дивно», но обряд они все-таки исполняли⁴⁹.

Крашенинников оперирует наблюдениями над восприятием обычая, мифов обрядового фольклора старшим и младшим поколением местных жителей Камчатки. Миф о переселении горы Алаид старики и женщины

⁴⁴ «О. З. К», кн. II, стр. 160

⁴⁵ Там же, стр. 104.

⁴⁶ Там же, стр. 181.

⁴⁷ Там же, кн. I, стр. 268.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, кн. II, стр. 97.

принимали за истину, тогда как «молодые люди» смеялись над ним⁵⁰. Традицию поддерживают старики; молодежь идет на разрыв с обычаями и верованиями отцов: «Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодежь почти все восприяли христианскую веру и стараются во всем Российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию»⁵¹.

Автор заметил изменения в бытовой традиции. Обычай женщин закрывать лицо при встрече с посторонними, по его словам, перестает быть всеобщим: «Но сие токмо о тех разумеется, которые старой своей грубости не оставили: ибо другие не столь зазорны...»⁵²

В то же время Крашенинников имел возможность зафиксировать новые «басни». Они возникают как объяснение некоторых явлений природы, поразивших камчадалов. Автор сообщает такой пример. На одной из рек Камчатки «не в давние времена» из-за наводнения или землетрясения оторвало часть берега вместе с камчатским селением на его мысу. Жители Камчатки немедленно дали фантастическое объяснение происшедшего. «Камчадалы,— сообщает автор,— тот час сложили о том баснь, будто оной острожек разорен от морских касаток по причине происшедшей между ими и Камчадалами ссоры за ножик, которого требовали касатки»⁵³.

Итак, идея восприятия фольклора его носителями несомненно руководила Крашенинниковым-этнографом.

Очевидно, именно ко времени издания своей книги о Камчатке Крашенинников считал возможным утверждать о ее населении: «...ныне все языческие обряды оставлены и через несколько лет совершенному предадутся забвению». Умирание камчадалских суеверий Крашенинников считал обусловленным такими факторами, как христианизация, воздействия русских обычаев, насаждение грамоты и др.

В методике Крашенинникова — этнографа и фольклориста — обнаруживается и другая научная тенденция: точное обозначение времени и места записи мифа, обряда, поверия, танца и т. д. и в ряде случаев района их бытования. Выше мы сообщали факты из цикла обрядов после охоты на тюленей, столь обстоятельно описанные и проанализированные Крашенинниковым. Прежде чем излагать обряды, он сообщает, что наблюдал их «в 1740 году в острожке Какенче, который стоит над речкою тогож имени впадающею в Восточное море»⁵⁴. Обрядовый фольклор праздника у южных камчадалов Крашенинников наблюдал в 1738 и 1739 гг. в селении Чаапынган на реке Кыкчике. Он пишет, что специально с этой целью «в 1738 и 1739 годах нарочно для того ездил и в знатном их остроге Чаапынган называемом, что на реке Кыкчике, жил по трои суток»⁵⁵. Свадебные обряды Крашенинников наблюдал «в 1739 году в Камчатском острожке, что на речке Ратуте...»⁵⁶ Шаманство он видел в 1739 г. в Нижнем Камчатском остроге и т. д.⁵⁷

Крашенинников обратил внимание на вопрос о районе бытования того или другого обряда, мифа и пр. Поклонение божкам Ингул или Иянаху Крашенинников считает обрядом курильским, но обнаруживает этот «образ идолослужения» в одном из районов, заселенных южными

⁵⁰ Там же, кн. I, стр. 109.

⁵¹ Там же, кн. II, стр. 24.

⁵² Там же, стр. 125.

⁵³ Там же, кн. I, стр. 49.

⁵⁴ Там же, стр. 266.

⁵⁵ Там же, кн. II, стр. 85.

⁵⁶ Там же, стр. 122.

⁵⁷ Между прочим, Крашенинников называет имя шамана («именем Карыляча») и некоторые данные о нем. По словам Крашенинникова, того шамана «не токмо тамошние язычники, но и казаки за великого знатока почитают...». Шаман жульничал довольно «грубо». «Я между тем,— пишет Крашенинников,— довольно смеялся, что он свое дело так худо знает, что к нашим Ташеншпиллерам не годится и в школу».

камчадалами,— у камчадалов, «кои живут на первом Курильском острову и на лопатке...»⁵⁸

По его мнению камчадалы, заселяющие Курильский остров, усвоили обряд курилов. Изучение камчадальского фольклора привело Крашенинникова к выводу о том, что одни и те же явления в различных районах Камчатки получали различное фантастическое объяснение, претворяемое в баснях. Если одну из почитаемых гор одни считали жилищем умерших, а другие — жилищем духов, то этот факт не удивляет Крашенинникова: «Что касается до разности в объявлении Камчадалов, тому удивляться не должно», так как разноречия в камчадальских «баснях», посвященных одной и той же теме,— явление типичное.

В книге Крашенинникова указаны различия не только в самих обрядах («южные Камчадалы имеют некоторую разность в обрядах против северных»), но в названиях одних и тех же фольклорных произведений, распространенных среди населения и Южной и Северной Камчатки,— оригинальные камчатские танцы «от Южных называются Хаютеля, а от Северных Кузелькина...»; другую пляску — «Южные Камчадалы называют ...Ирскина, а Курильцы Римзег»⁵⁹.

В «Описании земли Камчатки» — в богатых, разнообразных изучениях камчатских народов свое место занял вопрос об их языке. Этому вопросу специально посвящена особая глава «О различных наречиях камчатского народа» (гл. 20, кн. II). Принцип районирования сказался в изложении лингвистических наблюдений Крашенинникова,— при этом гораздо ярче, чем в материалах фольклорных. Повидимому, это объясняется тем, что исследователь нашел больше различий — по районам — в речи камчадалов, чем в мифах, обрядах, плясках и песнях. Так, например, о коряках Крашенинников говорит: «Главная разность сего народа от Камчадалов состоит в языке». Считая, что «курильский народ житием своим... сходен с Камчадалами», он все же специальную главу посвятил курилам, так как они имеют особенности «в телесном виде» и «в языке». «Камчадалов по разности языка можно разделить на два народа: Северный и Южный» и т. п. Крашенинников приводит камчадальские, коряцкие и курильские названия одних и тех же местностей, гор, рек, озер, названия зверей, птиц, рыб и т. д.

В «Описание земли Камчатки» включены лингвистические таблицы: «Коряцкие звания рыбам, зверям, птицам, плодам и произрастающим, которые им знаемы», «Имена мужские» и «Имена женские» камчадальские, «Имена мужские и Имена женские», курильские, «Собрание слов Курильского языка», «Звания зверям, птицам и рыбам и другим известным им вещам натуральным».

В главе «О различных наречиях Камчатского народа» приведена таблица под названием: «Собрание слов разных Камчатских наречий». В ней три столбца. Цитируем авторские пояснения к его диалектологической таблице: «В столбе А содержится наречие северных Камчадалов. В южных, а в столбе В живущих от Воровской реки на север почти до Тигиля»⁶⁰. В главе «О Коряцком народе» есть таблица «Собрание слов различных Коряцких наречий», состоящая из четырех столбцов в соответствии с особенностями речи коряков по районам, о чем свидетельствует опять-таки авторский комментарий: «Под литерой А содержатся слова Оленных Коряк, которые живут в Севере. Под литерой Б слова Оленных же Коряк, которые не в давние годы лихась табунов своих поселились на реке Аваче. Под литерой В слова сидячих Коряк, которые живут на Уке реке, а под литерой Г слова островных Карагяцков»⁶¹.

⁵⁸ «О. З. К.», кн. II, стр. 181.

⁵⁹ Там же, стр. 111.

⁶⁰ Там же, стр. 138.

⁶¹ Там же, стр. 169.

В этих наблюдениях над диалектами Камчатки мы склонны видеть зародыши некоторых идей диалектологии.

Крашенинников в своем труде постоянно и разнообразно использует данные языка камчадалов. Это один из путей, которым идет автор к решению некоторых исторических и этнографических вопросов.

Довольно многочисленны в труде Крашенинникова наблюдения топонимического характера. Автор анализирует названия различных местностей. Река Шопхад названа по имени «острожка», который находился раньше на ее устье, «а острожек так назван по великому изобилию в тюленях, которых жители на привальном льду промышляли, и как кряжи поленницами клали: ибо Шопхад значит кряж или толстой отрубок»⁶². Река Озерная у местных жителей имела название «Коочь-агжа то есть Еловское устье, потому что по ней можно проходить в батах на Еловку...»⁶³ Одна из рек — Биокос — имеет название, отвечающее ее особенностям: ее дно покрыто черным песком, от чего она получила и название: ибо Биокос на камчатском языке значит — черной песок»⁶⁴.

Особенно интересно рассмотрение Крашенинниковым вопроса о происхождении названия реки Камчатки. Существовало мнение, что это название употребляется и местными жителями, и приводили его от имени собственного Кончата, «знатного воина», «аки бы он жил при той реке, и будто от него река получила название...»⁶⁵ Этот вопрос специально рассмотрен во 2-й главе книги «О происхождении звания Камчадал и Камчатского народа по одним токмо догадкам». Автор объясняет, что слово камчадал происходит от коряцкого «Хончало». В данной главе автор сообщает, «с чего Коряки Камчадалов так называют...»⁶⁶ Крашенинников отвергает версию, согласно которой русские прозвали ительменов камчадалами по «имени» реки Камчатка, которое якобы произошло от собственного имени «славного воина Кончата». По мнению Крашенинникова это «искусный вымысел и предрассуждение...»⁶⁷ Среди соображений, которые приводит Крашенинников в доказательство ложности указанной версии, назовем следующие.

Крашенинников утверждает, что «имя Хончат Камчадалам неизвестно», т. е. что у камчадалов нет такого собственного имени. Впрочем, допускает Крашенинников, если бы у них и был когда-то человек с именем Хончат, то река не могла бы получить его, «ибо Камчадалы ни рек, ни озер, ни гор, ни островов именем людей не называют; но дают им имена по неким свойственным им качествам, или по сходству с другими вещами». У самих камчадалов река Камчатка называется «не Коншаткою, но Уйкуал, то есть большею рекою...» Что касается значения, «знаменования» коряцкого «Хончало», то «Коряки и сами притчины тому не ведают...»⁶⁸.

Крашенинников выдвигает следующую гипотезу о происхождении этого слова. По его мнению, «не без основания думать можно, что Хончало есть испорченное слово из Коочь-ай, что значит жителя по реке Еловке, которая течет в Камчатку, и Коочь называется...»⁶⁹. Слово типа Коочь-ай сопоставляется Крашенинниковым с камчадалскими словами, обозначающими ту или иную территориальную группу камчадалов по имени «рек или других урочищ, где они жилища свои имеют:

⁶² «О. З. К.», кн. I, стр. 42.

⁶³ Там же, стр. 50.

⁶⁴ Там же, стр. 16.

⁶⁵ Там же, стр. 7.

⁶⁶ Там же, кн. II, стр. 8.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, стр. 9.

⁶⁹ Там же.

так, например, Кыкша-ай, житель при большой реке, Суачу-ай, житель при Аваче, Коочь-ай, Еловской житель и прочая...»⁷⁰ Крашенинников указывает, что «ай приложенное к званию реки или другого какого урочища значит жителя того места, к которому прилагается...»⁷¹ Возможность превращения Коочь-ай в Хончалю, а из Хончалю в «Камчадала» подтверждается для Крашенинникова изменением слов из языка юдного народа после того, как они входят в язык другого народа, как «и в самых Европейских языках чужестранные слова портятся»⁷².

Здесь же в качестве аргумента Крашенинников использует наблюдения над процессом переделки слов камчадалского языка русскими обитателями Камчатки: «Так например из Ус-кыг, то есть Ус речка, сделаны у них ушки, из Кру кыг крюки, из Ууту утка, из Кали-кыг Халилики, из Кужи Курил или Курилец и прочая»⁷³.

Крашенинников опирается на свои наблюдения над усвоением русских слов камчадалами. При этом принятое слово, согласно свидетельству Крашенинникова, так изменялось, что лишалось «с сущим именем и подобия»⁷⁴. Он приводит доказательства: «Таким образом священник у них называется Богбог, без сомнения для того, что часто бога упоминает; Доктор Дуктонас, Студент Сокейнахч, студеной...; Колокол Кук» и т. д.⁷⁵ Что касается легенды о храбром воине Кончате, то исследователь так представляет ее происхождение: это герой, которому приписаны типичные качества всех жителей Еловских; «храбрость оную одному человеку приписали, которую надлежало приписать всем Еловским жителям, из которых каждой Коочь-ай или по их Кончат — называется». По словам Крашенинникова, Еловские жители издревле славились на Камчатке своей храбростью; «славны были перед прочими, чего ради и Корякам, как по соседству, так и по той знати под именем своим Коочь-ай, которым они и от других Камчадалов называются, были ведомы»⁷⁶.

В своем труде Крашенинников выражает несогласие с рядом положений своего современника — исследователя Камчатки Штеллера. Многочисленные возражения Штеллеру, критика многих его соображений и гипотез представляют значительный интерес как материал, характеризующий зрелость научной мысли Крашенинникова. В этих критических замечаниях проявляется материалистическая тенденция в подходе Крашенинникова к решению ряда вопросов этнографического порядка. Приведем следующий пример. В 10-й главе (II книги) «О военном Камчатском ополчении» Крашенинников разбирает мнение Штеллера о причинах междоусобных войн на Камчатке и появления старейшин и военачальников, которым подчинялись камчадалские народности. Штеллер считал, что причинами междоусобий были ненависть и роскошь, а также властолюбие, «женщины и желание обладать вещами».

На Камчатке «главного начальника» прежде не было, но всякий жил «по своей воле». Однако «страсти», «ненависть и роскошь» побуждали людей к военным столкновениям, так что камчадалы сами отвергли мирную жизнь. Войны повели к взаимному истреблению и ослаблению. Тогда камчадалы стали «поддаваться» «старшим, храбрейшим и умнейшим людям, и по одержании некоторых побед начальникам своим оказывали такую любовь, какая потребна была к намерению их, чтобы мщением, получением добычи и равномерным ее разделением укрепиться во своей власти. Чего ради и между самими народами есть знаки, что

⁷⁰ «О. З. К.», кн. II, стр. 9.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, стр. 9—10.

⁷³ Там же, стр. 10.

⁷⁴ Там же, стр. 4.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, стр. 9.

они имели в мысли своей нечто высочайшее, то есть чтоб быть владельцами...» От этого, по мнению Штеллера, и последовало разделение одного народа на несколько, «и учинились многие равносильные стороны». Так произошло разделение народностей на Камчатке, отсюда последовало их расселение, здесь, по Штеллеру, и причины возникновения «самодержавства» на Камчатке. Штеллер усматривал в жизни различных групп камчатского населения пережитки якобы существовавшего когда-то на Камчатке «самодержавства»⁷⁷. Представителя такого «самодержавства» Штеллер будто бы нашел у так называемых шанталыцев. После «Коряков» восстали «Шанталыцы», которые возглавлялись Шандалом. «А, как сей власть свою распространить вознамерился, желая получить ласкою то, что зависело от силы и оружия, то есть способ наложить дань на всех камчадалов мужеска полу и женска, то сделались паки две стороны, одна у вершин реки Камчатки, которая продолжалась до приходу Россиан, а другая в Кроноках, которая простиралась жилищами до самой лопатки»⁷⁸.

Крашенинников подверг критическому разбору гипотезу Штеллера. Как просветитель, он готов признать вероятным, что если было разделение камчатского народа, то оно могло иметь своей причиной «властолюбие», «ибо, — пишет автор, — кто может подумать, чтоб и в самых диких народах не было властолюбия или, по крайней мере, тщания о преимуществе, когда оное и в бессловесных животных примечается»⁷⁹. Но междоусобные войны, взятие в плен и похищение съестных припасов — это факты, из которых «заклчить нельзя такого важного предприятия, каково о учреждении самодержавства». Против гипотезы Штеллера говорит то, что Шандал, если бы такой существовал в природе, прежде чем стать «самодержавцем», должен был «прежде власть свою утвердить над своим родом и иметь в совершенном послушании, которого однакож и с самого начала покорения Камчатки нигде ни следу не примечено, но напротив того везде совершенное равенство»⁸⁰.

Иное объяснение предлагает Крашенинников и для такого факта, как «разделение народов и рассеяние по разным местам Камчатки», — оно могло сделаться «по тесноте места, по недостатку довольного к пропитанию для множества, и прочая». Крашенинников подверг сомнению и самое существование имени Шандал и производство от него нарицательного шанталыцы, как это сделал Штеллер. Крашенинников рассуждает следующим образом: сомнительно, чтобы когда-либо существовал камчадал под этим именем, чтобы было самое имя Шандал, так как «ежели бы такое имя у Камчадалов было, то бы оно не вышло и ныне из употребления, однако нет его между мужескими и женскими именами нигде в Камчатке». Автор допускает, что под этим именем следует разуметь не одного человека, а «всех Шанталыских жителей, которые живут около урочища Шанталы, как под именем Кончата всех Еловских жителей»⁸¹.

В решении конкретных вопросов об именах народов и народностей Камчатки Крашенинников применяет к конкретному материалу методику, которая имеет своей основой идею, в общем виде сформулированную позднее Ломоносовым. В своей «Древней Российской истории» Ломоносов высказал замечательно верные мысли о названиях народов. «Народы от имени не начинаются, но имена народами даются»; при этом, указывая Ломоносов, само название народа может не совпадать

⁷⁷ Там же, стр. 68.

⁷⁸ Мы приводим гипотезу Штеллера в изложении Крашенинникова, указ. раб., стр. 69.

⁷⁹ Там же, стр. 70.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, стр. 70—71.

с теми названиями, под которыми он известен у соседей. На эти важные идеи Ломоносова обратил внимание акад. Б. Д. Греков⁸².

Полностью подходят под ломоносовские обобщения и те данные, которые сообщает Крашенинников по вопросу об «именах Камчатских народов». В главе I «О камчатских народах вообще» (книга II) он приводит не только имя, которым называет себя данная народность Камчатки, но и те имена, которые имеет данная народность у других народностей и народов. Крашенинников утверждает: «...довольно видеть можно всякому, что мы ни одного народа собственным его именем не называем, но по большей части таким, каким они назывались у соседей, которые прежде от России завоеваны были, придав имени их свое окончание и несколько испортив. Таким образом Камчадалов называем мы по Коряцки, ибо Камчадал от Коряцкого Хончала происходит; Курильцев по Камчатски, ибо Курилец от Куши имеет свое начало»⁸³.

Мы сочли возможным выйти за пределы «собственно-фольклористической» темы и воспользоваться не только фольклорными материалами «Описания земли Камчатки». Привлечение этих «нефольклорных» материалов в той или иной степени показывает, какую солидную научную базу имеют и фольклористические наблюдения Крашенинникова.

Ломоносов в оде 47 года так обращался к будущим русским ученым:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих

И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих...

Фольклор Камчатки оказался в руках исследователя, чья научная методика была оригинальной и более совершенной, чем у тех, кто был приглашен «от стран чужих».

В фольклорно-этнографических изучениях Крашенинникова есть то качество, которое Добролюбов в статье о сборнике сказок Афанасьева назвал жизненным началом. Крашенинников изучает фольклор камчадалов как творчество данного, конкретного народа.

Внимание к чертам своеобразия изучаемой культуры постоянно сказывается в книге Крашенинникова, это один из моментов, дающих направление исследовательской работе этнографа. В наблюдениях Крашенинникова над народным творчеством камчадалов XVIII в. проявляется тенденция исходить из жизни, рода занятий создателей фольклора, объяснять художественную культуру камчадалов, связывая ее с практической, хозяйственной жизнью народа.

Все выявленные выше черты исследовательской методики Крашенинникова создают представление об определенном направлении научной мысли, обращенной на факты фольклорной культуры.

Это направление не является достоянием одного Крашенинникова. В той или иной степени оно сказывается и в фольклористических изучениях других русских ученых первой половины XVIII в.— прежде всего Татищева и Ломоносова.

Крашенинников не изложил какой-либо фольклористической системы,— ее еще не было; но тем не менее в самой его методике изучения материала вскрывается зарождение тех фольклористических идей, которые сформировались и развились в передовой русской науке о народном художественном творчестве.

Имя Крашенинникова должно занять свое место в истории русской фольклористики.

⁸² Журнал «Историк-марксист», 1940, стр. 29, № 11; Ломоносов, Древняя российская история.. С объясн. прим. акад. М. И. Сухомлинова, СПб., т. V, 1902, стр. 253—254.

⁸³ «О. З. К.», кн. II, стр. 5.